

Это ощущение, поначалу неясное и тревожное, возникло с первых минут знакомства с Юло Вилимаа, солистом балета и балетмейстером театра «Ванемуйне». И ощущение это было достаточно сильным, потому что оно появилось в резком контрасте, вопреки реальной обстановке нашей встречи.

Было двенадцать часов дня. В любом театре в этот час пустота и тишина царят в холлах, фойе и коридорах — все на репетициях за закрытыми дверями репетиционных залов. Не то — в «Ванемуйне». Здесь расписание репетиций — это сложный, переплетающийся поток, в котором сменяют друг друга драма, балет, опера, оперетта и детские представления. Одни освобождаются с репетиций, другие начинают, третьи собираются, у четвертых — перерывы.

И этот процесс создает особый, не похожий ни на какой другой ритм жизни этого театра, ритм, так сказать, непрерывного производства искусства. Побыв несколько минут в человеческом водовороте актерского фойе, я направился в конец длинного коридора, где за одной из дверей одиноковых дверей помещалась гримуборная

Юло Вилимаа — одного из руководителей этого производства. Навстречу мне поднялся хрупкий молодой человек. Он только что кончил переодеваться после «класса» — обязательного ежедневного танцевального тренинга для всей балетной труппы (назавтра мне предстояло увидеть эту тяжелую физическую работу. «Здесь мы учимся писать буквы и элементы букв», — сказал Юло, — которые потом собираются в слова, слова — во фразы языка балета»). Сейчас же — ни малейшего следа усталости, наоборот, ощущение какой-то постоянно сжатой пружины. Причем, пружина эта явно не телесного, а духовного свой-

товую партитуру соединить не только с оформлением, но и с внутренним существом музыки. Музыкальная драматургия должна проявиться во всех компонентах спектакля. Поэтому придется самому пройти весь свет. А тут еще простудился, шея не поворачивается, а танцевать надо. Тяжелый день...

— А что, бывают легкие?

— Редко... И вы знаете что? Чем дальше, тем реже. Казалось бы, должно быть иначе: чем больше работаешь, набираешься так называемого опыта, чем больше умеешь, тем меньше, вроде бы, должна связывать техника, будни, разные мелочи...

К О Н Т Р А С Т Ы

ства, и энергия ее направлена не в окружающий мир, а на какую-то свою внутреннюю работу.

Впрочем, окружающий мир ни на секунду не дает забыть о себе, и Юло существует в нем с полной мерой активности. Но все время чувствуется, что активность эта не захватывает целиком все его существо, что в нем протекает скрытая вторая жизнь, не совпадающая по ритму с видимой, первой. Отсюда — ощущение непокоя, притягивающее внимание к этому человеку (что это за вторая жизнь, мы узнаем, когда Юло Вилимаа выйдет на сцену, когда она сольется с первой. Когда обнажатся внутренние его пружины и освободят ритм, покоряющий зрителей его искусства).

...Одевая пальто, он захватывает с собой какие-то бумаги. Выходим на улицу. «Тяжелый день», — Юло с удовольствием вдыхает легкий весенний воздух. У него есть два часа. Решаем пройтись по городу.

— Тяжелый день, — повторяет Юло, — вечером спектакль «Сказки». Всего третий после премьеры, а придется перед началом делать световую репетицию: на втором спектакле электрики безбожно портачили.

— Но ведь есть же художник?

— Да, но он не музыкант, а я пытаюсь све-

— Путь к чистому творчеству?

— Именно. Но все выходит наоборот. Кончил Таллинское училище, поступил в «Ванемуйне», на первых порах было, в общем, легко. Даже когда начал танцевать главные партии — Краття, Кийра, выступать с сольными концертами. Во время первой постановки («Соловья») тоже, в общем, занимался балетом и только. А вот теперь — уже поставлены «Контрасты», к «Соловья» Стравинского добавились «Ученик чародея» Люка и «Деревянный принц» Бартока, составив второй полный спектакль — «Сказки» — теперь меня все больше начинают занимать вещи уже не только хореографического характера, а так сказать, чисто театральные. Оформление, свет. В «Сказках» сам много занимался костюмами, часами сидел в позировочной. Вот, например, «танцующие вещи» для «Ученика чародея», запроектированные из пенопласта, поступили за две недели до выпуска спектакля и... начали рассыпаться после двух репетиций. Пришлось срочно искать выход. И так — каждый день с утра до вечера. Пришло ощущение «себя в театре», в деле, в производстве, если хотите.

— А как же с чистым творчеством?

— А это оно и есть. Во всяком случае, одна из существеннейших его частей. Чистое творчество... одну секунду! Слышите?

Мы подходили к Ратушной площади. Призывные, словно охотничий рог, сигналы звучали в чистую терцию, разрезая весенний шум улиц студенческого города. Юло ускорил шаг. Молодой народ, вылезший из каменных зданий погреться на солнышке, созерцал традиционный свадебный ритуал. Кортж машин под белой ленточкой плавно кружил на площади. И клансы их трубили в чистую терцию. (Назавтра, на мой вопрос, влияет ли атмосфера города на его работу, Юло ответил: «Еще как. Я думаю, что все, что я делаю, в другом городе выглядело бы совсем иначе. Старый Тарту — и молодое население. Знаменитая университетская библиотека в старом парке, фоллианты Ивана Грозного и информация о последних достижениях научной мысли. Социологические дискуссии и биг-бит в классических интерьерах студенческого кафе и университетского актов зала. Это ведь те самые контрасты»). И, наверное, традиционный свадебный ритуал

исполнении автомобильного транспорта, эта музыка клансов, которую сейчас внимательно слушает балетмейстер Вилимаа, тоже каким-то сложным путем войдет в балетную композицию, существующую сегодня в его воображении под условным названием «Контрасты-II».

Мы постояли, пока кортеж не скрылся, описав положенное число кругов.

— Так вот, о чистом творчестве, — продолжал Юло прерванную мысль. — То, что я выдумываю на бумаге, пытаюсь проникнуть в скрытый смысл музыки будущего балета, имеет чаще всего вид общей схемы, костяка основных мыслей. Конечно, иногда уже на бумаге некоторые мысли приобретают четкие хореографические очертания — я вижу не только фразу, но даже отдельные слова — движения. Но самое интересное начинается, конечно, на репетициях. — На обледенелом повороте улиц он замедляет шаг. — Эта проклятая вечная боязнь поскользнуться, упасть, подвернуть ногу перед спектаклем. (После — куда ни шло, но перед — не имею права).

— Насколько индивидуальность артиста участвует в воплощении вашего замысла? Ведь язык балета, связанный раз навсегда заданным метром музыки, менее всего допускает импровизацию.

Молодежь Эстонии

Г. Таллин

8 МАЯ 1969

— Да, но здесь все зависит от класса танцовщика, его умения самостоятельно мыслить, и, главное, слышать живую музыку в процессе танца, а не просто воспроизводить поставленные движения. Конечно, групповые номера создаются жестко и точно, хотя и здесь бывают исключения. Например, в четвертой, джазовой части «Контрастов» большой кусок музыки я отдал «на откуп» артистам: у них есть три-четыре движения, на основе которых они на каждом спектакле импровизируют по ощущению.

— Может быть, в этом есть контуры какого-то нового направления, учитывая ставшую уже достоянием зрителей вашу любовь к балетным импровизациям?

— Не знаю... не думаю. Наша труппа сейчас состоит в основном из студийной молодежи. Ей подчас не хватает мастерства и для воспроизведения четкого рисунка. Хотя мастерство — дело наживное, тем более, что большинство наших ребят и девушек — люди музыкально одаренные. Что касается меня, говорить не буду. Вечером спектакль, завтра — репетиция. Приходите, смотрите.

Мы расстались до вечера возле старого здания «Ванемуйне». Юло показывал мне этот пепельного цвета дом, отполированные десятилетиями деревянные панели, свою бышую гримуборную, хранящую специфический запах — запах труда, запах искусства, добытого в нефиговом поте лица, показывая, как мне почудилось, с легкой грустью. На сцене репетировала драматическая труппа. «Завидую я драматическим актерам», — вдруг сказал Юло. — Все-таки одного тела мало, иногда мучительно не хватает именно слова... Хотя смысл сказанного был предельно ясным и сразу требовал спора и возражений, мне спать показалось, что произносятся эти слова, Вилимаа думал о чем-то другом. Я не стал спорить, решил подождать спектакля и репетиций.

И вечером был спектакль «Сказки». И на следующее утро после непереманного «класса» Вилимаа проходил в репетиционном зале «Контрасты» перед отъездом в Таллин. (Еще после «Сказок» была встреча участников спектакля с юными зрителями, большую часть зала заполнили в этот вечер ученики младших классов).

Я не буду писать о «Контрастах» и «Сказках» — их видели или увидят таллинские зрители, о них уже сказали и еще скажут свое слово специалисты.

...На площадку выходит танцовщик и балетмейстер Юло Вилимаа. В костюме сказочного принца — сегодня, в черном трико — завтра. До этого момента мы были зрителями его созданий, воплощенных его товарищами по искусству. Мысли и чувства, которые вызвала в нем музыка, балетмейстер вывёл и раз навсегда закрепил в четком рисунке человеческих тел. И нам остается лишь созерцать результат некоего проделанного постановщиком творческого поиска и проникаться или не проникаться его мыслями и чувствами в зависимости от класса исполнителей и их сегодняшней танцевальной формы. Но вот на площадку выходит Вилимаа. И мы начинаем неясно ощущать нечто нарушающее наш созерцательный настрой во время предыдущих эпизодов. Во-первых, мы вдруг начинаем слушать музыку. Не как сопровождение к движениям, а саму музыку. Потом мы начинаем слышать то, что она говорит нам — через Юло Вилимаа. Наступает состояние сотворчества артиста и зрителя. Вилимаа не настаивает, он ищет и разбирается вместе с нами.

...Звучит медленная по темпу, но заряженная огромным внутренним темпераментом современная оратория Баха. Легкая человеческая фигура, словно созданная для воссоздания в пластике духовных конфликтов, свободно и таинственно приближается к нам. Тонкие нервные руки опущены вдоль тела. Это еще не танец. Это — первые секунды настроя всего существа на волну композитора, подготовка себя и полной отдаче своего человеческого и профессионального «я» в распоряжение музыкальной стихии.

...Тайна Баха зовет издали. И человек чутко и осторожно идет на зов. Тайна все ближе. Человек осторожно подымает голову, прислушивается... Вот зов раздался совсем близко. И в ответ, навстречу ему протянулась рука человека. Замерла, а пальцы еще движутся, ловя ускользающий отклик. И мы, захваченные этим диалогом, ждем, когда тайна вновь позвонит нас.

...Если представить себе музыку в виде сложного маршрута в горах, с обрывами, восхождениями и поворотами, а танцовщика — проводником по этому маршруту, то есть два способа ведения похода. Первый способ — проводник, досконально зная маршрут, быстро и верно идет вперед по знакомой дороге, на ходу с блеском опытного гида обращает наше внимание на

красоты и опасности, которые мы благополучно минуем, стараясь от него не отстать. Другой проводник поступает иначе: осторожно нащупывая ногой выступы, он как будто впервые пробирается по этой тропинке, вместе с нами преодолевая неожиданно возникающие препятствия и открывая для нас — и для себя — выступавшую из неизвестности красоту.

С первым проводником мы прошли маршрут, запомнили кое-что из его объяснений и встретившихся видов. Со вторым пережили все перепады преодоления неизвестного, почувствовали радость первооткрывателей прекрасного. И нет нужды, что этот человек проходит маршрут в двадцатый раз — значит, живет в нем поэтическое стремление снова и снова, как будто впервые, изведать ощущение поиска. И, значит, есть в нем артистический дар отнестись к знакомому как к неизвестному, отдаться этой игре и увлечь ею нас, слушателей и зрителей. Для этой главной радости искусства — радости постижения мира — выходит на сцену Юло Вилимаа. Причем эту радость он переживает и творит для нас в самом, казалось бы, не поддающемся сиюминутному творчеству искусства — в искусстве балета.

Мы расстаемся с Юло у него дома. Маленькая комната хранит следы насыщенной жизни своего хозяина. Книжное разнообразие: исследования по балету, альбомы репродукций и последняя книжка рассказов Шукшина. Все это необходимо: скоро начнется работа над «Контрастами-II», ожидается постановка в Каунасе, лежит приглашение из Ленинграда.

— Все интересно, все хочется успеть, — говорит Юло. Он вынимает из великолепного японского конверта пластинку, как величайшую драгоценность несет ее к проигрывателю. Вот, послушайте, прислали из Японии. — Он ставит пластинку, а я разглядываю японские игрушки, ими набито жилище Юло.

— До сих пор впечатления от поездки не дают покоя. Были мы там недолго, а увез, как видите, много. — И уже звучит странная, не сразу понятная музыка, и далекий голос певца полон неведомых стремлений.

— Это будет часть балета, — тихо говорит Юло. И его пальцы чуть-чуть движутся, отвечая уже возникающим в воображении балетмейстера образам будущего танца.

Л. ЯКОВЛЕВ.